

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-189-196  
УДК 94(47).084.3

## Цели и потенциал изучения корпуса повстанческих командиров Гражданской войны

**Антон Викторович ПОСАДСКИЙ**

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»  
119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8738-7487>, e-mail: Posadav68@mail.ru

## Goals and potential of study the rebel corps commanders of the Civil War

**Anton V. POSADSKIY**

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration  
82 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8738-7487>, e-mail: Posadav68@mail.ru

**Аннотация.** Аргументирована необходимость дальнейшего изучения народных лидеров периода Гражданской войны и предложены основные задачи и направления исследовательской работы. Оценена необходимость изучения семейного круга партизанских и повстанческих лидеров в контексте демографической ситуации в России. Приведены соображения о важности всестороннего изучения их биографий с целью понимания мотивов и возможностей участия в Гражданской войне. Обращено внимание на нередкую ситуацию лидерства братьев в повстанческом движении. Предложены оценки военных способностей народных лидеров и их направленность. Указаны перспективные для разработки темы архивы. Отмечена важность эго-документов повстанцев, которых сравнительно немного, но исследовательская работа с ними многообещающа. Подчеркнута значимость этнических и гендерных аспектов народного лидерства. Подчеркнут феномен психологической родственности людей одной среды, разделенных военно-политическим противостоянием. Уделено внимание партийно-политической принадлежности военных лидеров Гражданской войны и восприятию их подчиненными, населением, потомками. Поставлен вопрос о том, насколько политически искушены были военные лидеры междоусобицы. Таким образом, предложена схема изучения феномена народного военно-политического лидерства в Гражданской войне с опорой на доступные источники и широкий спектр биографических данных.

**Ключевые слова:** Гражданская война в России; крестьянство; методология; повстанчество; лидерство; биографии

**Благодарности:** Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 18-09-00149 «Феномен «красного» повстанчества в Гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

**Для цитирования:** Посадский А.В. Цели и потенциал изучения корпуса повстанческих командиров Гражданской войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 189. С. 189-196. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-189-196

**Abstract.** The necessity of further study of the people's leaders during the Civil War is argued and the main tasks and directions of research work are proposed. The need to study the family circle of partisan and rebel leaders in the context of the demographic situation in Russia is assessed. Considerations are given on the importance of a comprehensive study of their biographies in order to understand the motives and possibilities of participation in the Civil War. Attention is drawn to the frequent situation of the leadership of brothers in the rebel movement. Estimates of the military abilities of the people's leaders and their orientation are proposed. Perspective archives for the development of the topic are indicated. The importance of the rebel ego-documents is noted, of

which there are relatively few, but research work with them is promising. The importance of ethnic and gender aspects of popular leadership is emphasized. The phenomenon of psychological kinship of people of the same environment, separated by military-political confrontation, is emphasized. Attention is paid to the party and political affiliation of the military leaders of the Civil War and their perception by their subordinates, population, descendants. The question is raised about how politically sophisticated were the military leaders of the civil strife. Thus, a scheme for studying the phenomenon of popular military and political leadership in the Civil War is proposed, based on available sources and a wide range of biographical data.

**Keywords:** Russian Civil War; peasantry; methodology; insurgency; leadership; biographies

**Acknowledgements:** The research is funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-09-00149 “The phenomenon of “red” insurgency in the Civil War: the conjugation of ideological attitudes, military and organizational decisions (Central Black Earth, Volga and South Urals)”.

**For citation:** Posadskiy A.V. Tseli i potentsial izucheniya korpusa povstancheskih komandirov Grazhdanskoj vojny [Goals and potential of study the rebel corps commanders of the Civil War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 189, pp. 189-196. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-189-196 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Нам уже приходилось высказывать соображения о корпусе повстанческих командиров Гражданской войны [1; 2]. В настоящем материале мы в значительной степени опираемся на корпус биографических материалов, сформированный сравнительно недавно коллективными усилиями [3].

В последние годы заметна скрытая полемика по поводу употребляемого нами в работах определения «вожаки». Например, А.С. Антонов – не народный вождь, а уже политик. Или сибирский партизанский командир В.Г. Яковенко – не вождь, а вождь. Действительно, генерировать термин, покрывающий весь массив людей, которые руководили самозародившимися вооруженными формациями, непросто и, возможно, несвоевременно. «Вожаки» – слово, которое позволяет оперировать общим названием, полагая его рабочим и функциональным.

Стоит ли изучать обрисованный массив в заявленном масштабе? Проблема в том, что некоторые общие черты очевидны и давно названы, еще в магистральных работах советской историографии. Так, Л.М. Спирин на примере 11 сибирских краснопартизанских командиров показывал, что большинство из них – из крестьян, с хорошей военной подготовкой старой армии [4, с. 371]. Литература же 1920-х гг. писала об этом еще более четко и определенно. Между тем, есть целый ряд сюжетов, изучение которых перспективно именно на значительном массиве активных боевых командиров повстанческо-партизанского типа.

Исследование необходимо проводить в пределах всех территорий славянского, в том числе казачьего, расселения в Российской империи, не исключая таких переселенческих областей, как Ферганская долина или Семиречье. При этом мы имеем в виду, прежде всего, боевых командиров, которые смогли сформировать значительный вооруженный и воюющий отряд или иным образом оказаться во главе такового и быть признанным его руководителем. Люди, выполнявшие функции агитаторов (Киселев в Огольцовщине, Шкуратов или Матцев в волжском повстанчестве), строго говоря, должны становиться объектом самостоятельного исследования. Равно как и офицеры-«военспецы», волею судеб оказавшиеся в зоне повстанчества и втянутые в него. Хотя в подобных ситуациях случайное попадание могло превратиться в службу без обратной дороги. Так, дезертирство из армии Сибирского правительства А.Д. Кравченко сделало из него нелегала и «военспеца» у партизан и так определило партизанскую судьбу.

Изучение персонального состава выдвинувшихся снизу военных вожаков позволит оценить масштаб влияния тех или иных житейских, политических, военных практик их дореволюционного бытия. Среди таковых назовем участие в крестьянском движении в 1905–1907 гг., опыт ссылки и тюрем, эсеровской, анархистской и социал-демократической принадлежности, образовательный уровень и усилия по самообразованию, опыт жизни в «большом» обществе (город, отход-

ничество или иные варианты трудовой миграции), опыт неземледельческих занятий (при крестьянском происхождении) и опыт организационный (артельщик, приказчик, торговец, земец, член солдатского комитета в 1917 г. и т. п.), участие в войнах (Русско-японская, Первая мировая) и др. При разработке биографий значима информация о личностных характеристиках будущих вожаков в дореволюционный период. Например, репутация буяна («хулигана», «озорника»), гуляки, гармониста, танцора и тому подобное могла предшествовать «атаманской» карьере. Наиболее же рельефным выступает военный бэкграунд (освоение военных специальностей, повышение в званиях, получение офицерского чина, награждения) народных вожаков в годы Первой мировой войны.

Базы данных на различные группы лиц (офицеры, кавалеры знака отличия Военного ордена, заключенные концлагерей, репрессированные, представители духовенства и др.), которые постоянно растут, расширяют исследовательские возможности, в частности, позволяют проследить не только конкретные судьбы, но и семейные восходящие, в социальном смысле, траектории.

Детализация биографий, в том числе прояснение родственного круга повстанческих вожаков, является непреходящей задачей. В частности, установление карьеры и дисциплинарного поведения в Русской императорской армии, РККА, для некоторой части вожаков – в Белых армиях. Значительные возможности в данном отношении предоставляет РГВИА. Перспективно изучение советских и белогвардейских информационно-аналитических документов по истории повстанчества. В них рельефно выделяется представление о роли лидеров, содержатся персональные характеристики, иногда весьма пронизательные. В частности, недавняя передача в ГАРФ из русского собрания Стэнфордского университета обширной коллекции П.Н. Врангеля (Ф. 10003. Оп. 11) облегчает для отечественных исследователей знакомство со сводками и аналитическим материалом, возникшим в ходе деятельности ВСЮР и русской армии.

Важно услышать голос самих атаманов, так как ограниченный корпус воспоминаний все-таки остался от этих, в основном безмолвных, персонажей. Эго-документы инте-

ресны и как носители фактических сведений, и как свидетельства известного строя мыслей их авторов. Известны самодовольно-фантазийные воспоминания атамана Струка. Однако есть и иные документы, не введенные еще в научный оборот. Так, нам приходилось работать с воспоминаниями офицера военного времени, в которых содержатся интересные наблюдения за петлюровскими и махновскими командирами в районе Умани на протяжении 1918–1919 гг. [5].

Можно предложить следующие цели системного изучения корпуса руководителей военных повстанческих и партизанских формирований периода Гражданской войны.

Во-первых, выявление активных участников Гражданской войны в роли вожаков, атаманов, организаторов, формирование и уточнение связанных биографий, что ценно само по себе, а также предоставляет основу для более качественного просопографического исследования.

Во-вторых, просопографическое исследование максимально широкого круга низовых командиров, с выявлением неочевидных связей и типических черт.

В-третьих, выявление региональных, этнических и субэтнических, поколенческих и гендерных характеристик военно-политической активности, навыков самоорганизации в целом, выживания и реализации крестьянством собственных интересов.

В-четвертых, понимание политических эмоций, надежд и ожиданий наиболее активных, авторитетных, имевших связь с массой населения комбатантов.

В-пятых, понимание механизмов и пределов мобилизации масс «снизу» в условиях внутривойскового конфликта (Гражданской войны) в аграрном социуме.

Рассмотрим подробнее направления изучения круга народных вожаков, которые определяются заявленными целями.

На благоприятном демографическом фоне России 1910–1920-х гг. многочисленные семьи и большое количество родни «по горизонтали» окрашивали собою распределение активных людей по сторонам противостояния. Множество более или менее известных персонажей повстанчества демонстрирует частую широкую вовлеченность, прежде всего, братьев, а также иных членов семьи. В местах активной деятельности эсеров уже в

первые годы XX века, до революции 1905 г., образовывались семейные группы крестьян, вовлеченных в пропагандистскую деятельность и распространение литературы. Так было, например, в северной части черноземного Балашовского уезда. Одна из семей в распространении литературы выглядела так: старший сын-учитель с опытом ссылки за плечами, престарелый отец и остальные дети – три сына и дочь. В результате последовала высылка членов семьи в Архангельскую губернию [6, с. 9].

Изучение семейно-родственных групп в экстремальных условиях социальных размежеваний и Гражданской войны видится весьма перспективным. При этом хрестоматийная ситуация «брат на брата» не являлась безусловно преобладающей. Красный начдив Пархоменко имел брата – повстанческого командира. Два брата-буденновца оказались по разные стороны в 1921 г., это Иван и Николай Колесовы. При этом Николай был заместителем командира бригады – Ивана и остался за него по уходе Ивана в отпуск. Пребывание же в родных краях оказалось настолько шокирующим, что Иван стал мятежником, Николай же остался в рядах Первой конной армии.

Однако чаще встречаются примеры солидарного семейного участия. Гибель от рук восставших в Балаково Григория Чапаева, надо полагать, закрепила красный выбор Василия Чапаева и придала ему эмоциональную остроту. Большое восстание в родной Старой Калитве Острогожского уезда Воронежской губернии начал Григорий Колесников – двоюродный брат Ивана, вскоре избранного военным руководителем нарастающего движения и ставшего главой и лицом этого мощного движения. Таковы три брата, сестра и отец Соколовские и братья Ивановы на Украине, братья Жегаловы, дети священника на Смоленщине, белорусские партизаны братья Короткевичи. Такова семья Косовых на Тамбовщине. В махновском движении известны на видных ролях двое братьев Каретниковых. В зеленом ярославском повстанчестве на активных ролях были братья Озеровы. Наиболее известным примером может служить пара Александра и Дмитрия Антоновых. Интересно проследить соотношение семейного старшинства и «старшинства» в повстанческом движении, увидеть на

неединичных примерах, одновременно или постепенно происходит вовлечение в повстанческое движение. Примеры Соколовских и Косовых, видимо, демонстрируют разные сценарии вовлечения.

Следует изучить роль выходцев из селений «сельского среднего класса» – однодворцев в некоторых черноземных уездах, бывших казаков в Прихоперье и Приазовье, мелкой шляхты в западных губерниях. Среди повстанческих командиров преобладали выходцы из сел, которые сами уже не жили земледельческими занятиями. Это диагностируется на корпусе как махновских, так и антоновских командиров. Таким образом, портрет социально активного молодого человека периода модернизации вполне соответствует образу активиста-повстанца.

Вожаки вооруженных отрядов, естественно, взаимодействовали и с некрестьянскими персонажами, и это тоже значимая исследовательская тема. Среди последних надо назвать жителей городов, монастыри, поместья и их обитателей, земскую и кооперативную аграрную инфраструктуру, казенные имения и тому подобные центры организованной жизни. В Советском государстве поместья становились совхозами, другие элементы обслуживания сельского хозяйства превращались в сыпные пункты, на которые повстанческие командиры старались перенести основную тяжесть содержания своих отрядов. Так, Матренинский (Свято-Троицкий) женский монастырь с богатой казачьей историей стал пристанищем повстанцев Холодного Яра на Киевщине. Антоновцы имели сторонников и активных помощников в Тамбове. Восставший красный начдив Сапожков пытался активизировать своих сослуживцев по РККА в Уральске.

Среди руководителей вооруженного протеста уместно выделять разные психологические типы. Кто-то атаманствовал, более или менее долго и удачно, кто-то минимизировал насилие и старался «корректировать» местную власть вооруженной рукой, как Сергей Никушин в Рязанской губернии. Кто-то пытался выстраивать политическую власть и организованную вооруженную силу, как А.С. Антонов. При этом существенно, что крупные восстания происходили отнюдь не по команде даже авторитетных и крупных

лидеров. Так, А.С. Антонов влился в стихийно начавшееся движение.

Перспективны для изучения феномены анархо-разрушительного вожачества, с одной стороны, и строевика-службиста в импровизированных революционных армиях – с другой. Недавно начата публикация подробной биографии «командарма» первых месяцев советской власти А. Ремнева [7], которая показывает военную несостоятельность такого рода революционных вождей призыва 1917 г. Военные и партизанские таланты представителей народных лидеров существенно различаются. Так, Б.М. Думенко, например, стал крупным военным организатором и новатором в деле применения кавалерии в маневренной войне. Данный факт был замечен и оценен квалифицированным белым противником [8]. В то же время крупная фигура Махно не была столь значима в чисто военном отношении, но являла собой центр кристаллизации для огромного района, была паттерном самовосприятия большого количества активных крестьян нескольких смежных губерний – Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Херсонской. Генеральские карьеры сделали хорошие унтера и Георгиевские кавалеры С.М. Буденный в РККА и И.Д. Павличенко (сотник по выслуге в 1917 г.) во ВСЮР. В последнем случае карьера была не только военной, но и военно-политической: мобилизованный в Красную армию, И.Д. Павличенко перешел к белым со своим полком летом 1918 г.

Многие военные лидеры проявляли недюжинные таланты в деле партизанской войны, как некоторые красные сибирские и дальневосточные командиры. Некоторые оказались адекватны новым обстоятельствам «большой» войны и в основном пополнили командный состав РККА. Другие показали себя мастерами маневренной, рейдовой войны, других видов партизанщины. Однако многие из них делали основной акцент на самосохранение себя и своих людей, защите своего локального района, – скорее выживание, чем эффективную партизанско-повстанческую борьбу в строго военном смысле этого слова. Большинство повстанческих командиров из антибольшевистского лагеря сложило головы на поле боя или были расстреляны. Для красных партизан в большинстве случаев характерна была не столько ус-

тойчивая карьера в лагере победителей, сколько уход в «красный бандитизм», маргинализация, гибель в репрессиях.

При вполне сходных настроениях в крестьянских низах где-то начиналась упорная вооруженная борьба, где-то реализовались лишь практики пассивного сопротивления. Среди ряда факторов (географическое положение, природные условия, наличие оружия, давление военно-коммунистических мероприятий, демографическое давление и т. п.) наличие решительного и умелого командира является очевидно значимым. Важен также и вектор его активности, – сориентированность на военно-политические, грабительские, жизнеустроительные практики.

Революция всегда сопряжена с социальным раскрепощением. В частности, в революционных практиках, в том числе в повстанческом лидерстве, активно участвовали женщины. Феномен атаманствующих «Марусь» и «Машек» имеет как реальную фактическую основу, так и последующее фольклорное бытование.

Известным исследовательским потенциалом для изучения обсуждаемой темы обладает социальная, в том числе этническая психология. Например, возникшее национальное самосознание белорусов во многом презентировалось активными атаманами из фронтовиков, которые не желали ни советов, ни германцев, ни поляков на своей земле.

Исследовательски увлекательно сравнение близких типажно и нередко близких лично людей, оказавшихся в развитии революционного процесса, в рядах противоборствующих сил. Ярчайший пример – жизненные траектории в революции В.И. Чапаева и А.П. Сапожкова, а также весьма выразительная судьба чапаевского сослуживца И.М. Плясункова. Повстанческие командиры и их формирования в условиях Гражданской войны могли выступать своего рода теневой историей армейских и специальных формирований, – подобно тому, как история контрабанды является собой инвариант истории таможенной и пограничной служб. Например, перемещение Первой конной армии С.М. Буденного с юга на запад летом 1921 г. вызвало и перемещение вослед махновских отрядов, которые попали таким образом на Гомельщину и Смоленщину. Более того, буденновские дивизии стали давать пополнение повстанческим от-

рядам, возникло выражение «махновцы-бунденновцы». Повстанцы в этом и иных случаях использовали и сознательную мимикрию (форма, удостоверение), что усиливало представление о некоей единой среде.

Психологическая родственность людей, давно воюющих в условиях революционной или атаманской дисциплины и живущих в основном за счет населения, не должна удивлять. Она доходила до того, что отряд по борьбе с бандитизмом мог неоднократно ловить отъявленного бандита и включать его в свой состав. Он снова уходил, и при поимке вновь принимался на службу [9, с. 238-245]. Бывшие сослуживцы по РККА оказывались по разные стороны в повстанческой борьбе, и здесь надо видеть тех, кому претила провокация, и тех, кто ее активно и почти неизменно успешно использовал. Выразительный рассказ об этом бывшего краскома 40-й Богучарской дивизии недавно опубликован. Провокационное использование своей «красной» репутации позволило ему уничтожить целый ряд повстанческих отрядов [10]. В свою очередь, шок юных чоновцев от того, что недавний жестокий повстанец ныне борется с повстанцами же в красных рядах, вызвал партийное разбирательство [11, с. 373-375].

Отдельным сюжетом является борьба тех, кто сражался после очевидного спада массового движения и исчезновения перспектив политической победы. Один из примеров – повстанчество на Северо-Западе до середины 1920-х гг., соседствовавшее с контрабандой, профессиональным переводом желающих через границу и тому подобными практиками. Такая жизнь годами была характерна для новой границы на Псковщине, например [12]. Существовали вожаки-долгожители в Сибири, в горной Кубани и других местностях. Классический путь от политического повстанчества к уголовщине и разбою просматривался не всегда или не всегда был короток. Данные примеры позволяют проследить практики социального бандитизма, с опорой на сочувствующее население, с попытками долговременного выживания в противостоянии с властью.

Идейно-политическая ориентация и партийная принадлежность (актуальная или

прежняя) вожаков вооруженной борьбы также оказывается в сфере внимания при изучении заявленной темы. Соотношение партийного и семейного, использование партийных лозунгов, связей и шаблонов при отсутствии последовательного партийного сознания, партийной дисциплины и отрефлексированной идеологии характерны для многих вожаков вооруженных повстанческих формирований. Следует оценивать партийность и понимание партийных лозунгов и программ «средними людьми», поднявшимися к военно-политической активности. Продуцировали ли вожаки лозунги и программы, или это делали иные люди? Или же зачастую работали просто паттерны массовых представлений о справедливости, в том числе архаичные с политической точки зрения? В условиях революции, с одной стороны, низы неизбежно принимают политический язык, предлагаемый городом как ведущей революционной силой. С другой же стороны, проявляются архаические черты сознания, развиваются девиации, вызванные войной, происходит неизбежное осмысление новой пореволюционной реальности, возникает и проявляется в идеологии, пропаганде, поведении образ желаемого будущего.

Наконец, исследовательским сюжетом является оценка вожаков Гражданской войны в потоке времени с точки зрения народной героики, лубочного восприятия, совмещения с аналогичными персонажами прежних эпох. А именно: кто помнится и остается в локальной памяти, становится персонажем литературных произведений, превращается в героя с былинным окрасом. Можно назвать Григория Атаманова в Западной Сибири, Григория Кочкина в Приангарье, Ефима («Юшку») Скородумова во владимирском Ополье, Огольцова на Рязанщине. Соответственно, интересно для изучения и несовпадение официального советского и постсоветского, в национальных версиях, дискурса, как «злодейского», так и «героического», – и народной памяти. Это касается таких знаковых фигур, как Н. Махно, А. Антонов, И. Колесников, повстанческих вождей в пространстве белорусской памяти и мн. др.

### Список литературы

1. Посадский А.В. Народные элиты Гражданской войны: источники и пути формирования // Эпоха войн и революций: 1914–1922: материалы Междунар. коллоквиума. СПб.: Нестор-история, 2017. С. 175–184.
2. Posadsky A.V. Popular leaders of the Civil War: problems and the first results of the study // The Journal of Slavic Military Studies. 2017. Vol. 30. № 3. P. 440–452.
3. Вожаки и лидеры Смуты 1918–1922 гг. Биографические материалы / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2017.
4. Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1968.
5. Посадский А.В. Уманщина в 1918–1919 гг.: война, настроения, жизненная стойкость // Historia i Swiat. 2019. Т. 8. С. 163–182.
6. Ракитникова И. Революционная работа в крестьянстве в Саратовской губернии в 1900–02 гг. М.: [б. и.], [19–].
7. Соловьев Ю.П. Большевик Афанасий Ремнев и его вооруженная группировка в октябре 1917 – апреле 1918 года // История. Общество. Политика. 2020. № 3 (15). С. 51–109.
8. Кельчевский А.К. Думенко и Буденный. Роль, значение и тактические приемы конницы в русской Гражданской войне. Константинополь, 1920.
9. Яценко В.Г. Криминальный мир Царицынской – Сталинградской губернии 1920-х годов. Репортажи о громких уголовных делах эпохи нэпа. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020.
10. И.П. Шматко и борьба с повстанческим движением на юге Воронежской губернии (публ. М.Е. Разинькова) // На ветрах Гражданской войны. Воронежская деревня в 1917–1922 гг. М.: АИРО-XXI, 2019. С. 308–355.
11. Лебедев В.В. Мои воспоминания о себе и комсомольцах 20-х годов (публ. Н.В. Токарева) // На ветрах Гражданской войны. Воронежская деревня в 1917–1922 гг. М.: АИРО-XXI, 2019.
12. Седых А. Там, где была Россия. Париж: Изд-во Я. Поволоцкого, 1930.

### References

1. Posadskiy A.V. Narodnyye elity Grazhdanskoj vojny: istochniki i puti formirovaniya [Popular elites of the Civil War: sources and ways of formation]. *Materialy Mezhdunarodnogo kollokviuma «Epokha voyn i revolyutsiy: 1914–1922»* [Proceedings of the International Colloquium “The Era of Wars and Revolutions: 1914–1922”]. St. Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2017, pp. 175–184. (In Russian).
2. Posadsky A.V. Popular leaders of the Civil War: problems and the first results of the study. *The Journal of Slavic Military Studies*, 2017, vol. 30, no. 3, pp. 440–452.
3. Posadskiy A.V. (compiler and academ. ed.). *Vozhaki i lidery Smuty 1918–1922 gg. Biograficheskiye materialy* [Guides and Leaders of the Time of Troubles of 1918–1922. Biographical Materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017. (In Russian).
4. Spirin L.M. *Klassy i partii v Grazhdanskoj vojne v Rossii (1917–1920 gg.)* [Classes and Parties in the Russian Civil War (1917–1920)]. Moscow, Mysl’ Publ., 1968. (In Russian).
5. Posadskiy A.V. Umanshchina v 1918–1919 gg.: voyna, nastroyeniya, zhiznennaya stoykost’ [Uman region in 1918–1919: war, moods, vitality]. *Historia i Swiat*, 2019, vol. 8, pp. 163–182. (In Russian).
6. Rakitnikova I. *Revolutsionnaya rabota v krest’yanstve v Saratovskoy gubernii v 1900–02 gg.* [Revolutionary Work among the Peasantry in the Saratov Governorate in 1900–02]. Moscow, 19–. (In Russian).
7. Solovyev Y.P. Bol’shevik Afanasiy Remnev i ego voozuzhennaya gruppirovka v oktyabre 1917 – aprele 1918 goda [Bolshevik Afanasy Remnev and his armed group in October 1917 – April 1918]. *Istoriya. Obshchestvo. Politika – History. Society. Policy*, 2020, no. 3 (15), pp. 51–109. (In Russian).
8. Kelchevskiy A.K. *Dumenko i Budennyy. Rol’, znachenije i takticheskiye priyemy konnitsy v russkoj Grazhdanskoj vojne* [Dumenko and Budyonny. The Role, Significance and Tactics of the Cavalry in the Russian Civil War]. Constantinople, 1920. (In Russian).
9. Yashchenko V.G. *Kriminal’nyy mir Tsaritsynskoy – Stalingradskoy gubernii 1920-kh godov. Reportazhi o gromkikh ugolovnykh delakh epokhi nepa* [The Criminal World of the Tsaritsyn – Stalingrad Governorates of the 1920s. Reports on High-Profile Criminal Cases of the NEP Era]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2020. (In Russian).
10. Razinkov M.E. (publisher). I.P. Shmatko i bor’ba s povstancheskim dvizheniyem na yuge Voronezhskoy gubernii [I.P. Shmatko and the fight against the insurrectionary movement in the south of the Voronezh Governorate]. *Na vetrakh Grazhdanskoj vojny. Voronezhskaya derevnya v 1917–1922 gg.* [On the Winds of the Civil War. Voronezh Village in 1917–1922]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2019, pp. 308–355. (In Russian).

11. Lebedev V.V. *Moi vospominaniya o sebe i komsomol'tsakh 20-kh godov* [My memories of myself and the Komsomol members of the 20s]. *Na vetrakh Grazhdanskoj voyny. Voronezhskaya derevnya v 1917–1922 gg.* [On the Winds of the Civil War. Voronezh Village in 1917–1922]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2019. (In Russian).
12. Sedykh A. *Tam, gde byla Rossiya* [Where Russia Was]. Paris, Y. Povolotskiy Publ., 1930. (In Russian).

#### Информация об авторе

**Посадский Антон Викторович**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений. Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, филиал. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: Posadav68@mail.ru

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-8738-7487>

Поступила в редакцию 18.08.2020 г.  
Поступила после рецензирования 15.09.2020 г.  
Принята к публикации 20.10.2020 г.

#### Information about the author

**Anton V. Posadskiy**, Doctor of History, Associate Professor, Professor of State History, Law and International Relations Department. Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: Posadav68@mail.ru

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-8738-7487>

Received 18 August 2020  
Reviewed 15 September 2020  
Accepted for press 20 October 2020